

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**Коммуникативная неудача в диалектном тексте
(на материале говоров села Белогорное и села Земляные Хутора)**

АФТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 – «Филология» (профиль «Отечественная филология
(русский язык и литература)»)
Института филологии и журналистики

Ивановой Елизаветы Сергеевны

Научный руководитель
к.ф.н., доцент

Ю.В. Каменская

подпись.

Зав. кафедрой
д.ф.н., профессор

О.Ю. Крючкова

подпись.

Саратов 2022

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная неудача в ситуации межкультурной коммуникации диалектоносителя и носителя литературного языка на данный момент исследована недостаточно. Существуют отдельные исследования данного вопроса, посвященные решению узкого круга проблем в рамках диалектологических экспедиций. Исследование коммуникативных неудач, не связанных исключительно с межкультурной коммуникацией, отражено в работах современных лингвистов. В частности, в нашей работе рассматриваются уже существующие типологии коммуникативных неудач.

Объектом исследования является межкультурная коммуникация между носителем диалекта и носителем литературного языка.

Предмет исследования — ситуации коммуникативной неудачи в диалектном дискурсе.

Цель работы заключается в рассмотрении возможных или существующих коммуникативных неудач в диалектной речи в условиях межкультурной коммуникации.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить основные особенности диалекта как особой коммуникативной системы
2. Рассмотреть феномен коммуникативной неудачи, существующие типологии коммуникативных неудач и сформировать собственную классификацию коммуникативных неудач в диалектном тексте в условиях межкультурной коммуникации
3. Проанализировать материал диалектных записей, выявить контексты, содержащие коммуникативную неудачу, а также контексты, в которых возможные коммуникативные неудачи преодолены

4. Определить причины возникающих и потенциальных коммуникативных неудач, а также предложить способы их преодоления.

Методы исследования, используемые нами при анализе языкового материала:

- 1) описательный метод с элементами статистического анализа;
- 3) контекстуальный метод.

Материалом исследования послужили два подкорпуса Саратовского диалектологического корпуса: говоры сел Белогорное и Земляные Хутора. Нам удалось проанализировать материалы диалектологических экспедиций в село Белогорное за несколько лет (с 1996 г. по 2005 г.), а также материалы семи экспедиций в село Земляные Хутора. В результате было выявлено 33 контекста, позволяющих исследовать вопрос коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации.

В связи с рассмотрением коммуникативных неудач в диалектном тексте нами приводятся исследования, отражающие коммуникативную и когнитивную специфику говоров, также рассматриваются работы, выявляющие лингвокультурные особенности диалектов.

Структура выпускной квалификационной работы обусловлена целью и задачами, проблематикой и методологией исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка. Первая глава данной работы посвящена существующим научным исследованиям, позволяющим раскрыть причины коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации. Во второй главе осуществляется анализ контекстов с выявленными коммуникативными неудачами или с возможным недостижением коммуникативной цели.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Опираясь на существующие исследования в области коммуникативных, когнитивных и социокультурных особенностей диалектов, а также на работы, посвященные рассмотрению явления коммуникативной неудачи, мы сформировали сводную типологию коммуникативных неудач, которую можно применить к анализу нашего диалектного материала. Приведенная типология основывается на причинах коммуникативных неудач.

Первая причина связана с различиями в коде говорящего и слушающего, а также с особенностями устройства языка. В ходе проведенного анализа нам удалось установить, что данное явление не является распространенной причиной коммуникативных неудач в диалектной речи в условиях межкультурной коммуникации. Диалектоносители осознают культурные различия между собой и собеседником и специально обращают внимание на номинации, которые могут не знать их слушатели, уточняют значение:

Успенье Богородицы / это ведь что за праздник? вы слышали / нет? //

(из записи разговора с Акимовым, с. Белогорное)

Незнание определенных понятий или номинаций не мешает построению коммуникации, напротив, спрашивая о различных явлениях, отсутствующих в другой культуре, диалектолог может эффективно построить диалог с носителем говора.

Непонимание значения определенного слова в исследуемых нами диалектных текстах может являться косвенной причиной коммуникативной неудачи:

–а у меня численника нет / а тут у меня коли так коли эдак //

–А нам про численник расскажите. Что это такое?

–численник? / а вы разве не знаете? //

–Не знаем

–о это вот выучились вы / Алёны! прям не Алёны вы настоящие // календарь / численник / как его ещё-то зовут? //

(из записи разговора с Лобочевой, с. Белогорное)

В дальнейшем разговоре диалектоносительница, акцентируя внимание на незнании собеседником данного понятия, отвлекается от диалога, не отвечая на интересный для исследователя вопрос о культурных особенностях:

–Какая культура у старообрядцев? Чем они от вас отличаются?

–как и у нас так и у них / подол долгий / повязываться путём - не в татарочку // бритым не ходить //

–А в татарочку повязываться это как?

–не знают календарь! / численник // в численнике написано // а они – что за численник? // да ещё как прежде его я называла? //

(из записи разговора с Лобочевой, с. Белогорное)

В данном случае уже носитель говора предполагает наличие сходных культурных кодов между собой и собеседником. Для нее «календарь» и «численник» – равнозначные по своему употреблению понятия. И незнание номинации такого распространенного бытового предмета удивляет диалектоносителя, заставляет ее вновь и вновь обращаться к этой теме в ходе беседы.

Коммуникативные неудачи, вызванные различиями в лексическом составе диалектного и литературного языка, на примере контекстов из диалектных корпусов являются скорее исключением и не препятствуют достижению коммуникативной цели сами по себе. Такие случаи скорее являются источником метакоммуникативной реакции, которая, в свою очередь, препятствует предполагаемому развитию диалога.

Вторая причина коммуникативных неудач – это недостаточная коммуникативная компетенция собеседника диалектоносителя. Нами были найдены примеры, иллюстрирующие данное явление:

– вот видишь! / у вас одно // у вас это... вы по желанию пошли туда / учиться-то? // охота вам? / правда / интересно? / много / наверное / учатся / да / много? //

– А внуки у вас учатся?

(из записи разговора с Орловой, с. Белогорное)

– варим / стираем / скотину убираем / гавно чистим за коровой / поим / доим / молоко едим / сметану едим / что еще тебе // а вот вы в Саратове чем занимаетесь? //

– А почему ваша деревня называется «Земляными хуторами»?

(из записи разговора с Потаенковой, с. Земляные Хутора)

В данных контекстах мы видим, что собеседник не пытается выстроить коммуникацию таким образом, чтобы его реплики были представлены в минимальном объеме, он просто не отвечает на встречные вопросы диалектоносителя, хотя существует возможность ответить коротко, не нарушая культуру общения, и перевести разговор на нужную тему. Возможно, это связано не только с желанием исследователя получить как можно больше полезного материала, но и с невнимательностью к ходу разговора.

К коммуникативным неудачам, причиной которых является недостаточная коммуникативная компетенция, также можно отнести ситуации, в которых собеседник меняет направление разговора, не развивая предыдущие темы:

– а родители че вот / где вот тоже возьмут тогда // колхозы уже организовали / а в колхозе ниче не было / ниче абсолютно // хлеб какой завозят сюда / на быках да на коровах-то и то его... в государство скорей отвезут // а... оставит председатель своим людям / его в... под суд // сразу закабалят // за / Сталин был твердый (смеется) человек //

– А печки в домах как делали, из чего?

(из записи разговора с Маркеловым, с. Земляные Хутора)

В разговоре с жителем села Земляные Хутора Маркеловым собеседник не пытается развить тему прошлых лет и исторических событий, важную как для самого диалектоносителя, так и для исследования. Диалектолог задает вопрос, не связанный с ходом диалога. Здесь исследователь не проявляет должного внимания к теме разговора, в ходе беседы с носителем говора действительно бывает сложно понять, какое дальнейшее развитие приобретет та или иная тема. Например, в данном случае диалектоноситель мог рассказать много полезной и интересной для исследования информации о периоде коллективизации в России, возможно, о восприятии личности Сталина. Но диалектолог изменяет тему беседы с масштабной исторической на бытовую. Конечно, информация об устройстве дома, которую хочет узнать собеседник, также важна для исследования, но неуместность этого вопроса в данном контексте нарушает ход диалога.

Приведенные нами примеры подтверждают, недостаточная коммуникативная компетенция и избегание когнитивных усилий в диалоге исследователя с носителем говора создает большой риск для возникновения коммуникативной неудачи. Невнимательность к ходу разговора, а также стремление задать собеседнику как можно больше тематических вопросов отрицательно влияет как на качество самой коммуникации, так и на качество диалектного материала, собранного в ходе беседы.

Наряду с другими источниками коммуникативных неудач в разговоре диалектологов и диалектоносителей в записях разных лет мы находим примеры непонимания диалектоносителем коммуникативных потребностей собеседника.

Наиболее часто данное явление встречается в ситуации общения о последних новостях или о телевизионных передачах. Диалектолог, спрашивая о сюжете какой-либо телепередачи или фильма, рассчитывает на пересказ последних событий. Для исследователя важен не сам сюжет, а то, как собеседник расскажет о нем. Но, применяя неверные речевые тактики,

диалектолог не добивается коммуникативной цели. Например, рассмотрим ситуацию диалога с Крайновой, жительницей села Земляные Хутора:

–И вот мы целую неделю уж не глядим, негде у нас глядеть. (говорит так специально, чтобы А. Е. Крайнова пересказала фильм)

–негде?//

–Нет. Не знаем, что там произошло, уж что там в конце было.

–ну завтра в пять часов / вы до пяти завтра работаете / вот приходите ко мне//

–А мы завтра дольше, наверное, работаем.

–что это?//

–А у нас расписание такое длинное...

–ну а вы где бываете у них тоже есть телевизор / там поглядите / пять часов / и скажи / «посмотри... включите нам пожалуйста мол телевизор / мы мол посмотрим» / пять часов это и всё //

–Ладно.

(из записи разговора с Крайновой, с. Земляные Хутора)

Наряду с другими источниками коммуникативных неудач в разговоре диалектологов и диалектоносителей в записях разных лет мы находим примеры непонимания диалектоносителем коммуникативных потребностей собеседника.

Анализируя записи разговоров с другими диалектоносителями, мы можем предположить, что более точная формулировка и вопрос, заданный напрямую, в таких случаях снижает риск возникновения коммуникативной неудачи. Это иллюстрирует следующий контекст:

–Какие же последние известия вчера передавали?

–ну какие передавали <...> включить нады //

–Да нет, Вы так расскажите.

–ну так <...> мне... мне не нравится / телевизор / не стал нравится / там одне... поставят вот / ну хорош / хорошо говорят / хорошо разговаривает / реденька / ну не как скажем этот <...> президент-то кто у нас первый был? Ельцин / да // Ельцин // он / говорит... говорит нере-е-едко (оговорка) / больно уж редко говорил <...> Свадьба в Малиновке»? да что ты / сколько раз её показывали / эту «Свадьбу в Малиновке» / то и дело //

(из записи разговора с Петряниным, с. Белогорное)

Задавая вопрос напрямую, исследователю удается достичь цели: информант рассказывает о своем восприятии современных политиков, делится мнением об их выступлениях, затем пересказывает известный фильм.

Проанализировав данные контексты, мы можем установить, что одной из причин возникновения коммуникативной неудачи в разговоре с диалектоносителем является неадекватный реципиент-дизайн, недостаточная адаптация к речи собеседника. Исследователь, рассчитывая на определенный ответ собеседника, часто не предполагает возможность иного толкования его вопроса. Задавая вопрос не напрямую, диалектолог рискует не получить желаемого ответа. Вместе с тем, в проанализированных нами контекстах диалектологу, отошедшему от тактики избегания прямых языковых средств, удается достичь коммуникативной цели.

Коммуникативные неудачи, связанные с существованием тематической дистанции и разделением диалектоносителями собеседников на «своих» и «чужих» во многом индивидуальны и зависят от личности носителей говора. Найденные примеры не создают какую-либо закономерность. Некоторые диалектоносители расположены говорить с исследователями на важные для них темы мистики, религии, а также о ситуации в стране, подтверждение этому мы наблюдаем в следующем контексте:

—так а / ходим всё <...> а у меня вот здесь вот была сибирка //

– А что это такое?

– ну вот... ей умирают // если не заговоришь / то умирают // и вот / я пошла... он пас овец / муж -то / овец провозжать // подошла туды на Конец-то / и кольнуло мне / как вон / уголь будто я положила // и чёрное пятнышко / такое здесь вот / и вот вишь на зрачке // вот / вот это //

<...>

– А как же она заговаривала?

– да кто знает там / она шепчет чего-то // потом намазала / и на воду наговорила / здесь вот / садится на желудок она // может это / выхеркнуть // вот тут это выхеркнула / вот такой ком / чего-то там / дянище-то // ну и лучше стало / если бы нет / она бы его задушила //

(из записи разговора с Межевой, с. Белогорное)

В данной расшифровке диалектоносительница рассказывает о мистических явлениях, бывавших в ее жизни. Интересно, что здесь исследователь изначально не спрашивает о случаях заговоров, и Межевая сама начинает говорить об этом в связи с разговором о соседях. Здесь тематическая дистанция отсутствует, носитель говора доверяет исследователю важную для него историю.

В других записях носители говоров ограничивают круг тем беседы, дистанцируясь от носителя литературного языка. Существующая тематическая дистанция обнаруживается в записи другого разговора:

–А вот не было у вас таких вот случаев, когда, допустим, вот молодые там поженились и начинают плохо жить, вот там говорят, что там отворотили... Вот были такие...

–бывало / бывало / бывало //

–Вы не расскажете нам что-нибудь?

–нет не буду рассказывать //

–Почему?

–Нам интересно!

–Сейчас просто вот как-то не очень верят, а вот знать-то надо.

–верить надо всё! //

<...>

–Ну какой-нибудь случай?

–любой случай // и верить всё надо дочиста верить //

(из записи разговора с Чикмаревой, с. Земляные Хутора)

Причину недостижения коммуникативного намерения в данном случае мы можем найти в существующей тематической дистанции. Диалектоноситель не воспринимает собеседника как «своего» и не стремится рассказать интересные для него сверхъестественные случаи.

Проблема тематической дистанции и разделение диалектоносителями собеседников на «своих» и «чужих» во многом индивидуальны и зависят от личности носителей говора, данное явление нельзя считать однозначной причиной коммуникативной неудачи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема коммуникативных неудач во взаимодействии диалектоносителей и носителей литературного языка обширна. Она охватывает коммуникативные, когнитивные, социокультурные стороны изучения межкультурного общения.

Нами были изучены работы по коммуникативным неудачам в разных сферах общения, прежде всего на примере взаимодействия носителей литературного языка, то есть в рамках одной культуры. На основании приведенного нами исследования с опорой на существующие диалектологические исследования мы смогли выявить основные причины коммуникативных неудач в диалектном тексте, записанном в условиях межкультурной коммуникации, проследить их распространенность в рамках двух диалектных подкорпусов (корпус села Земляные хутора и села Белогорное Саратовской области). Наша работа позволяет сделать вывод о том, что наиболее вероятные коммуникативные неудачи связываются с неправильным

восприятием коммуникативных потребностей собеседника как со стороны диалектоносителя, так и со стороны носителя литературного языка. Также в проблеме коммуникативной неудачи большую роль играет фактор коммуникативной компетенции участника разговора. В связи со спецификой сбора диалектного материала выявляются проблемы, не связанные с особенностями диалектной речевой культуры, и зависящие только от собирателя материала.

Практическая значимость нашего исследования состоит в сформулированных рекомендациях к построению коммуникации с носителями говора. По результатам проведенного исследования необходимо обратить внимание собирателей диалектного материала на особенности речевой культуры и лингвокультурологическую специфику диалектного языка. В дальнейшем это поможет наиболее успешно адаптироваться к речи диалектоносителя с целью преодоления возможной коммуникативной неудачи. Также при сборе материала необходимо устранять проблему, обозначенную в теоретической части нашей работы как «избегание когнитивных усилий». В разговоре с носителем говора исследователю необходимо не только задать ряд вопросов, интересующих его в рамках темы экспедиции, но и сосредоточиться на ответах информанта, поскольку именно они могут способствовать дальнейшему гармоничному развитию диалога, и как следствие – повышению качества собранного материала.